

В „СТРАНЕ АЙГУЛЬ“

О ДРАМАТУРГИИ МУСТАЯ КАРИМА

В нашем неповторимом Мустая Кариме живет и уживается столько творческих натур, сколько представлено родов в поэзии. Поэт и публицист, драматург и прозаик, но, конечно прежде всего, лирический и драматический писатель счастливо дополняют в нем друг друга. Да к тому же в башкирской советской литературе трудно сегодня назвать мастера, чье творчество пульсировало бы с такой здоровой мерной мощью, какая заключена в искусстве Карима. А в двух ведущих отраслях родной словесности он работает столь основательно и убедительно, что программирует направление поисков, нравственную силу, идейно-художественный пафос современной башкирской поэзии и драматургии.

Башкирское спеническое искусство нашло в Мустая Кариме автора, который живо откликнулся на жизненно важное для театра стремление быть в гуще событий духовной борьбы эпохи, участвовать в создании этических норм социалистического общества. Злоба дня кипит в его пьесах с достоверной конкретностью газетного факта, и по ним можно писать хронику обще-

ственной жизни, общественной мысли. А в его обобщениях, прозрачных метафорах, парадоксальных противопоставлениях и притчах находили свой язык сокровенные размышления современных людей. В то же время драматург свел воедино некоторые из основных привязанностей, какие воспитало в себе национальное театральное искусство за полвека развития, касается ли этот опыт опять же социального назначения театра или его национального характера.

Однако шел Мустай Карим к своей большой драме неторопливо. Если мы подойдем к ранним его драматургическим опытам, скажем, с меркой трагедии «В ночь лунного затмения», то ясно увидим, какие долгие пути лежат между ней и первой пьесой писателя «Свадьба продолжается». Театральная критика всегда, за редчайшим исключением, льстила ему, к стати и невпопад. Но о «Свадьбе...» забывший Баязит Бикбай сказал, как топором отрубил: «Эта пьеса не столько напряженное драматургическое произведение, сколько не лишнее поэтичности изложение ряда событий».

Бикбай, несмотря на резкость суждения, отметил, к стати, характерную и добрую черту дарования начинающего драматурга. Размышления Мустая Карима о подвиге советского человека в борьбе с фашистским захватчиком (а темой пьесы «Свадьба продолжается» стали события Великой Отечественной войны), о характере народа, испытанном

в огне великой битвы, постоянно и настоятельно возвращаются, минуя пока анализ, к его «неисправимой» склонности видеть слагаемые жизни в поэтических символах.

Естественно, ограничение художественно-познавательных возможностей драмы дорого далось драматургу. Читатель и зритель были лишены удовольствия увидеть многогранные живые характеры, выявляющие себя в зримом, на сцене происходящем действии. Каждый из персонажей воплощал заранее заданную добродетель — и только. Слово это было не люди во плоти, а названные предложения.

Стоит, однако, заметить, что то были не только промахи автора, но и объективные беды жанра. Мустай Карим пришел в драматургию в трудное для нее время. Еще не была написана программная апрельская 1952 года статья в «Правде», озаглавленная ясно «Преодолеть оставание драматургии». Еще театральная литература подвергалась особо тщательной опеке догматической критики, стоявшей на позициях пресловутой «теории бесконфликтности», проецировавшей на искусство тезис, согласно которому развитие советского общества, якобы, не знает сколько-нибудь серьезных противоречий. А в учебниках по теории литературы фигурировал мифический жанр, жанр-привидение — «производственная пьеса». И то была весьма плотная скорлупа, куда ушла или была уведена драматическая литература от человеческого содержания, от достоверного социально-психологи-

ческого анализа, от глубоких жизненных противоречий, охватывающих как общественные явления, так и внутренний мир человека. Живой образ подменялся персонифицированным правоучением, жизненная борьба — умозрительно сконструированной производственной ситуацией.

При всей активности догмы и нормативной критики здоровые силы башкирской драматургии, как и всей советской литературы, поддержанной партийной печатью, находили путь к серьезным жизненным проблемам. Партийная принципиальность советского писателя, его гражданский долг, человеческая совесть, совесть подсказали башкирской драме жизнеутверждающий пафос, глубину размышлений. Та самая «производственная пьеса», взломанная изнутри, обрела размах кардинальной для советской литературы темы труда. Одним из крупных явлений башкирской драматургии послевоенного десятилетия предстала и драма Мустая Карима «Одинокая береза».

В центре ее стоит председатель одноименного колхоза Мырзахан Шавкатов — масштабная личность, сильный, умный человек, немедленно завоевывающий любовь зрителя, несмотря на несуразности своего сложного характера. Знаменательно, Шавкатов — живая память о тридцатых годах. На нем до сих пор лежит отблеск героической истории советского крестьянства, заложившего в жестокой классовой борьбе основы коллективного хозяйствования. Он и горд тем. Но в своем ослеплении гордостью проморгал, что под красными знаменами той же борьбы, тех же целей уже шагают и другие люди,

молодые глаза которых разглядели новые рубежи. Драматизм, острота произведения простираются не столько из обстоятельств, возникших при объединении двух колхозов в один крупный, о чем повествует пьеса, сколько из нравственной обстановки, сложившейся в колхозе «Одинокая береза», из противоречий, зреющих и вспыхнувших в незаурядном сердце Шавкатова. Совершенно искренне он поверил в собственную исключительность. Мустай Карим не делает тайны из стадий порочного развития характера Мырзахана, обозначенных прозвищами «директор колхоза», а затем и хуже — «кантонный начальник», «ваше благородие», какими наделяют его колхозники. Беда председателя — это беда человека, у которого угасло воображение. Годы и годы он лелеял свой родной колхоз, как садовник выращивает трудный сорт. А тут приходят новые люди и говорят: нужна прививка. И в Шавкатове рождается оскорбленное самолюбие; обиды подстегиваются мыслью о непризнанном подвижничестве. Мырзахан закусывает удила.

Зоркими глазами Мустай Карим рассмотрел довольно извилистые пути общественно-го и нравственного становления человека. Но заметьте: при всех недостатках, болезнях, пороках мироощущения Мырзахана Шавкатова все симпатии публики — на стороне последнего. Мощь характера плюс правота биографии оскудевшего председателя позволяют питать самые горячие надежды на оптимистическое решение его личной драмы. Нет, зритель не ждет немедленного исправления Мырзахана. Более того, он оправдывает волю жизни дать зарвав-

шемуся гордецу и окаменевшему в устаревших представлениях администратору хороший урок диалектики. Но в нем, в зрителе, негодует чувство справедливости. Он сумел оценить ум, волю, мужество, силу характера Мырзахана и не может позволить, чтоб такой могучий душевный аппарат был исключен из активной жизни. И Мустай Карим не обманывает надежд своего зрителя.

Итак, почин был сделан. Одержимый искусством театра, Мустай Карим отныне отдаст ему неиссякаемую силу бодрствующей мысли, верную любовь, утренние часы творческого дня. Он не изменит поэзии. Но пристрастному театралу теперь будет то и дело казаться, что поэт в Кариме намечает темы, проблемы и даже сюжеты с тем, чтобы драматург во всеоружии аналитических возможностей драмы разработал их, решил, развязал, добирался до глубин, открывающихся лишь перед драмой. Разумеется, это будет только казаться. Одно точно: Мустай Карим до конца поверил в социальное и художественное значение драматического конфликта — этого мощного инструмента театральной литературы, рассматривающей, более того — испытывающей жизнь в ее переделах, критических ситуациях, в момент переоценки духовных ценностей, когда не остается никакого места для эклектических оговорок, компромиссных решений — ничего, кроме антиномии: «да» — «нет».

Не станем думать, что писатель теперь создает, вместо произведений искусства, социально-политические трактаты. Карим — художник. Да, мастерство — понятие идеологическое, в котором право свободного выбора ориентировано идейными установками. Но самые сложные философские проблемы выступают в творчестве писателя в их конкретном-чувственном выражении. А

искусство Мустая Карима пышет жаркими красками чувственной радости. Перо драматурга, его палитра становятся богаче и выразительней. И он пишет комедию «Похищение девушки».

Ни одна из его пьес — ни раньше, ни позднее — не имела столь безоговорочного успеха у башкирской публики, как восхитительная комедия «Похищение девушки». С лукавой улыбкой пронизывающего мудреца, с размахистой удачей и озорством гармониста на посиделках он написал жанровую — в духе фламандцев — картину из народной жизни. Это — быт. Навью разорванный, открытый солнцу и всем ветрам быт современного башкирского крестьянина. Это — любовь к толкотне в дружелюбной толпе. Это — типы из мудрых сказок и соленых анекдотов, взятые в минуту ярчайшей вспышки характерного в национальном духе — в ликующий миг народного праздника.

Жизнь без устоявшегося быта, разворванного испытаниями, выпавшими на долю советского народа в сороковые годы, привила драматургу курс к изображению людей в сфере их наибольшей духовной активности — в труде. Отдав дань условностям «производственной пьесы», башкирская драматическая литература, между тем, нашла источник вдохновения именно в круге вопросов, рассматривающих человека в трудовом процессе. Как раз это позволило ей намного расширить свои тематические горизонты, более — увидеть героев, еще не встречавшихся в родной литературе.

Но, право же, шолоховский Макар Нагульнов мигмом превратился бы из героического типа в двумерный плакат без его горькой любви, английского языка и страсти к переключке петухов. Чуткий, ревностный художник, Мустай Карим безболезненно ощущая,

как односторонне развивается полюбившийся ему жанр, и поспешил вернуть родной драматургии универсальность зрения. Кариму меньше всего подходит характеристика, изображающая художника этаким вольным певцом, поющим как бог на душу положит. Он умеет организовать не только тот жизненный материал, что попал в поле зрения, а и внутреннюю оптику своего искусства, направленную на тот или иной объект по велению совести гражданина и коммуниста, по призванию реалиста и тенденциозного писателя. И, главное, для него проявления народной жизни, образ мыслей и чувствований, вкусы и пристрастия народа — сами по себе этические и эстетически полнокровный материал.

Так что «Похищение девушки», при всей простоте, прозрачности, «невинности» слагаемых — принципиально важное произведение в творчестве Мустая Карима. Это — позитивное и развернутое изложение его основных пристрастий. Не острая проблема, а сама стихия жизни, не интрига, а распахнутые характеры очаровывают нас, ибо драматург без преувеличений и идеализации, равно — без снисхождения, чли корысти воссоздал красоту, справедливость, истинность советского образа жизни. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтоб найти единые ритмы, интонации, мотивы между «Похищением девушки» и «Страной Айгуль» — этим гимном советскому характеру.

Но тревоги мира слишком сильно задевали совесть писателя. Он откладывает кисть и палитру, чтоб взять перо или стилистический графика. Следующая пьеса Мустая Карима — драма «Неспетая песня» — несомненно рационалистическая графическая работа. Это — плод доброго, но рассерженного ума, который не знает полутонов.

С. САИТОВ.
(Продолжение следует).